

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК

Иоакимо - Анновского храма Можайского благочиния Московской епархии РПЦ
"Глаголь"

«ДУХОВНОСТЬ РОССИИ — ЭТО ХРИСТОС» Предсмертное интервью иеромонаха Василия (Рослякова)

Это последнее известное интервью, которое иеромонах Василий (Росляков) дал за несколько дней до Светлого Христова Воскресения 1993 года, когда он и еще два инока — Трофим и Ферапонт — были убиты рукой сатаниста в Оптиной пустыни.

Иеромонах Василий (Росляков)

— Отец Василий, как Вы думаете, оживет ли Оптина пустынь, возродится ли она?

— Святое Писание говорит нам, что Бог не есть Бог мертвых, но есть Бог живых. У Бога все живы. Мы служим именно такому Богу, Который воскрес и победил воскресением смерть; у Него нет смерти, в Боге нет смерти, она существует только вне Бога.

Поэтому вполне естественно, что Оптина жива, для человека верующего даже вопроса такого не существует.

— И старцы живы?

— Конечно.

— Все-таки, духовность России — что это такое?

— Духовность России — это Христос. Он говорит нам: «Я есмь истина, и путь, и жизнь». А постольку поскольку духовности не может быть вне Христа, для России она одним словом выражается — Христос. Вот и все.

— **Может быть, отсюда и наша трагедия?**

— Без сомнения.

— **Мы преданы Христу, и поэтому нас так мучают?**

— Без сомнения, так. Христос сказал: «В мире скорбны будете, но не бойтесь, Я победил мир». Так что обетования Господни непреложны, и никто никогда их отменить не может. Мы и живем сегодня только по этим обетованиям. Только так.

— **Я понимаю, что это, наверное, нельзя спрашивать, и все-таки, скажите, насколько это возможно, какая Ваша внутренняя жизнь?**

— Внутренняя жизнь Оптиной — тайна, таинство. Ведь наша Церковь содержит семь Таинств, если Вы знаете. На этих Таинствах зиждется все. И всякое Таинство имеет какую-то внешнюю окраску — совершаются какие-то молитвы, производятся какие-то действия, — но в это время в этом Таинстве действует Сам Христос, невидимо и незримо. Именно Его благодатью совершается само Таинство.

Так и внешняя жизнь Оптиной и ее внутренняя жизнь. Вы внешнее видите, а внутреннюю жизнь нельзя рассказать. Опять же: внутренняя жизнь Оптиной пустыни — Сам Христос. Только если мы к Богу приобщаемся, мы можем понять эту внутреннюю жизнь. А по иному она нам никак не откроется. «Аз есмь дверь, — говорит Господь, — аще Мною кто внидет, спасется. И внидет, и изыдет, и пажить обрящет». Вот эта дверь к внутренней духовной жизни Оптиной — Христос.

— **И все это несказанно?**

— Несказанно, потому что как рассказать о том, как действует Бог? Это невозможно.

— **Но можно рассказать то, что ты чувствуешь, например?**

— Можно. Возьмите псалмы Давида. Он говорит: «Вкусите и видите, яко благ Господь». Пожалуйста — вкушайте, и увидите. «Кого люблю, — говорит Господь, — того и наказую», «биет же Господь всякаго сына, егоже приемлет». Мы возлюбленные сыны у Бога ради того, что мы содержим истину Православия.

Поэтому, естественно, мы и наказываемся, ибо Господь нас особенно любит. Как любой отец, который любит своего сына, без наказания его никогда не оставит. Он наказывает по любви, не по жестокости, понимаете? Мы привыкли к тому, что мы наказываем только с жестокостью. Нам неизвестно такое чувство — любовь, неизвестно, что такое наказание с чувством любви. Господь нас наказывает именно с любовью, ради того, чтобы нас вразумить. Ради этого только нам посылаются какие-то скорби — ради вразумления нашего, чтобы нам познать истину Христову.

Вот и все. Поэтому в этом ничего страшного нет, надо быть всегда готовым ко всем скорбям. И я вас уверяю, что нет такого человека на земле, который бы никогда не скорбел, нет. И то, что у нас так — я считаю, что у нас лучше всех. Мы хороши лишь только потому, что мы православные, если мы православные. Не то, что лучше нас нет, но, если мы содержим Православие, тогда мы хорошие.

— **А почему Христос выбрал нас?**

— Ну, взял и выбрал. Откуда мы знаем Промысл Божий? Когда Он учеников Своих собрал, то сказал им: «Вы думаете, что вы Меня избрали? Нет, но Я вас избрал и поставил служить вас». Почему Господь избрал иудейский народ? Мы не знаем. Почему даровал им святых пророков, Ветхий Завет? Почему Он избрал русский народ и вот так дал ему хранить истину Православия? Мы не ведаем пути Божии, и

для нас это закрытая тайна, запечатанная, может быть, даже навсегда. Даже, может быть, после смерти она нам не откроется. Но поскольку этот дар нам дан, мы обязаны его хранить и свято блюсти. А как и почему — это не наше дело.

— **Что такое для вас служба?**

— Мы совершаем службу, службу Богу. Господь говорит: «Вы Мне будете поклоняться и духом, и истиною, на всяком месте». Вот что такое служба — это общение с Богом, разговор. Молитва — это наш разговор с Богом, Ему предстояние, Ему служение. Поэтому это всегда живо, всегда неумирающе, тут жизнь, тут присутствует Сам Христос.

— **А вы не устаете от этой службы?**

— Ну мы же не ангелы, конечно, устаем. Мы же люди. Но Господь нас укрепляет настолько, насколько Он это считает нужным. Дает нам и уставать, и потрудиться.

Преподобный Исаак Сирский пишет: «Если твоя молитва была без сокрушения сердца и без труда телесного, то считай, что ты помолился по-фарисейски».

Так что надо и пот пролить, и тело свое понудить, ну и душу, конечно. Так что это труд. А помните, как говорит старец Силуан: «Молиться за мир — это кровь проливать».

Вот такой труд молитвенный. А вот, пожалуйста, возьмите Евангелие — как Господь молился о Чаше: «И пот Его был, как капли крови». Вот какая молитва может быть. Нам она неведома и непонятна, но такая молитва тоже есть.

— **Получается, чтобы достичь чего-то, нужно всегда пройти через боль?**

— Обязательно. Это закон жизни. Его установил Сам Господь. Зачем же Он претерпевал Крест, зачем Он терпел?

— **Каждый через свой крест должен пройти, иначе ничего не получится во внутренней жизни?**

— **Никак не получится. «Возьми крест свой и следуй за Мной», — это же Господни слова. Значит, надо обязательно взять крест и с верою идти за Господом . «Отвергнись себя, возьми свой крест и следуй за Мной, и будешь Моим учеником».**

Вот и весь закон. Но в основном, как учат Святые Отцы, все то, что исполняет инок, должен исполнять и благочестивый христианин. За исключением, пожалуй, того, что мы даем обет безбрачия.

Раньше так и было. По жизни древние христиане мало чем отличались от монахов.

Иеромонах Василий (Росляков) перед могилками оптинских старцев

— **Но ваша жизнь все равно более внутренняя...**

— Это не нам судить. Господь Судья — где мы есть. Он знает, чем мы живем, и как мы живем.

— **Как же вам трудно, и просто больно!**

— «Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех» и «паки реку — радуйтесь!» Вот какие мы обетования имеем. А Вы говорите — трудно.

— **Ну все равно же, вам трудно?**

— Нам помогает Господь. Поэтому нам легче.

— **Он всем помогает, а вам все равно труднее.**

— Ведь есть у отца любимые сыновья, да? Вот монахи — это любимые сыновья. Кого Бог больше любит, кому больше помогает? Монахам. Поэтому нам легче. А вот люди, которые отдалены от Бога, они как бы становятся теми блудными сыновьями. Вот тогда им становится трудно. Трудно почему? Потому что Самому Господу труднее им помочь. Понимаете? Вот отчего трудность-то возникает в жизни — когда человек берет на себя что-то и отстраняет от себя Бога, Который помогает ему. Вот мир и несет все эти скорби, потому что от Бога отошел, отстранился от Христа, и тащит на себе этот воз непосильный. А мы пришли к Богу, и Господь их Сам за нас несет и все делает.

— **Но опять же, если более любимые, тогда и больше страданий, хотя они и внешне не видны?**

— У каждого человека есть боль, у каждого есть страдания. Монахи — это возлюбленные Господни дети. Вот, старцев, пожалуйста, возьмите. Ведь к чему они пришли? — К непрестанной радости. Они у нас были источниками радости. Представьте, что Вы подходите к батюшке Амвросию и говорите: «Батюшка, отец Амвросий, да Вы скорбите, наверное, да?» Глядя на них, таких вопросов не возникало. Это глядя на нас, таких вот немощных, такие вопросы могут возникнуть.

*Иеромонах Василий (Росляков)
Монахи возлюбленные — дети Господни*

ВОПРОСЫ – ДЕТСКИЕ И ВЗРОСЛЫЕ

Значительная часть вопросов, которые слышит сегодня священник, начинается словами: «А можно ли...» Слова, впрочем, могут быть иногда и другие, но смысл именно таков. «А можно ли православному человеку слушать постом классическую музыку?» «А можно ли смотреть по телевизору новости и некоторые ток-шоу?» «А можно ли иногда не соблюдать среду и пятницу?» «А можно ли не всегда исповедоваться перед Причастием?» И прочая, прочая, прочая...

Посмотреть без особого внимания, так вроде бы и ничего худого тут нет. Люди относятся к пастырям своим с уважением, доверяют их мнению, готовы принять сказанное ими слово, проявить послушание. Есть в этом что-то очень простое, детское даже... Но всегда ли хорошо – простое и детское? Ведь и простота есть, как известно, та, что хуже воровства. И детскость, которую неодобрительно именуют инфантильностью.

Нет ничего худого, конечно, в вопрошании духовника о том, относительно чего испытываешь сомнения, о том, чего вообще не знаешь. Однако возможность задать вопрос есть далеко не всегда: священник ведь не может находиться на постоянной связи со всеми без исключения прихожанами своими, всегда готовый разрешить любое, самое незначительное недоумение. Такое, например, как не грех ли держать дома аквариум с рыбками. Или бегать по утрам. Или плавать в бассейне. Или еще какое из подобного ряда.

А кроме того, есть в этой постановке вопроса что-то вообще глубоко неправильное, неверное по сути своей. Есть искание внешнего – именно внешнего – одобрения либо неодобрения, согласия либо несогласия. И отношение к ним – сродни магическому какому-то:

одобрено – значит, без колебания принимаем. Нет – так же, не колеблясь, не рассуждая, отвергаем. Но именно рассуждение-то и необходимо!

Человек вообще не может (к сожалению или к счастью – кто знает!) провести свою жизнь, будто булавкой приколотый к подолу рясы своего духовного наставника. Есть пора детства, есть период юности и есть – взросления. И стремление настоящего духовника не к тому должно быть, чтобы привязать к себе человека намертво, «замкнуть» его на себе, чтобы не мог он и шагу самостоятельно ступить, не мог ни вздохнуть, ни выдохнуть без соответствующей санкции. Наоборот, вся деятельность духовника на то направляется, чтобы научить человека жить в Церкви, жить по-христиански, жить с Богом. И с Божией помощью, разумеется, но вполне осознанно, осмысленно и самостоятельно путями этой жизни ходить.

А потому очень важно не только искать и получать ответ на вопрос «можно ли?», но и знать те критерии, согласно которым возможно самому это определить. «Угодно ли это Богу? Полезно ли мне? Служит ли моему спасению или, наоборот, способно меня погубить?» Вот о чем надо спрашивать – Евангелие, собственную совесть и, конечно, духовного отца. Именно это – богоугодность, полезность, спасительность – должно быть для нас определяющим при принятии решения, при совершении выбора.

Детство хорошо, когда мы и правда дети, когда у нас еще остается возможность быть детьми. Но что поделать, когда ее нет, когда сама жизнь требует от нас совершенно взрослых мыслей, слов и поступков? А так бывает очень часто, практически всегда; льготных условий и упрощенной программы нет и не предвидится.

И что же? Закутаться в одеяло, накрыться им с головой, как поступали в том же детстве, чего-то испугавшись и уверившись, что пока мы там, под одеялом, сидим, всё страшное куда-то исчезнет, пропадет? Надеяться, что кто-то решит всё за и вместо нас? Или даже и жизнь за и вместо нас проживет? Так не бывает. И точно – не к сожалению, а к счастью. Значит, надо обязательно взрослеть. И вопросы задавать взрослые. И ответов – взрослых же – не бояться.

Игумен Нектарий (Морозов)